

УДК 11:94(47+57)
doi:10.35853/vestnik.gu.2022.4(39).09

Перестройка: от рассвета до заката (статья первая)

Владимир Анатольевич Лоскутов
Екатеринбург, Россия, rectoruaqa@me.com

Посвящается памяти первого Президента СССР и первого Президента России.

Аннотация. В статье предпринята попытка метафизической реконструкции Перестройки как исторического феномена, раскрытия многослойности его исторического бытия и развития. Делается вывод о том, что Перестройка является способом возвращения, возобновления, возвышения исторического бытия советской истории от индифферентного к идентичному бытию – способом решения проблемы идентификации бытия и сущего советской истории. Что она возникает и существует как способ преодоления советской историей кризиса своей идентичности. Анализируются различные теоретико-методологические подходы, которые с разных сторон, с различной степенью проникновения в предмет исследования, пытаются реконструировать сущность Перестройки как исторического феномена. Доказывается, что целостность и сущность этого феномена всецело определяется «тройным бытием» Перестройки: историей Перестройки, Перестройкой как историей советской истории, Перестройкой как способом историоризации самой себя и советской истории. Выделяются исторические этапы перестройки (возникновение, становление, развитие). Делается вывод о том, что она начинается в 1983 году, заканчивается в 1993 году и осуществляется в форме Андроповской, Горбачевской, Ельцинской Перестройки. На первом этапе она существует как *настройка* (совершенствование, обновление, ускорение развития) социализма. На втором – как его *достройка* с помощью демократизации до «лучшего социализма» (Горбачев). На заключительном, третьем этапе, она осуществляется как отрицание Горбачевской Перестройки (*настройка*), ничтожащее отрицание Перестройкой Ельцинской Перестройки как формы своего осуществления (*достройка*), отчуждение Перестройки от самой себя и социализма как способа бытия сущего советской истории (строительство). В статье подробно рассматривается первое бытие Перестройки – ее существование в качестве «данного» (Сартр) бытия, «бытия-объекта» (Сартр) и «другого-бытия» (Сартр) и обосновывается необходимость реконструкции ее бытийствования как «бытия-к-концу» (Хайдеггер) советской истории.

Ключевые слова: перестройка, социализм, бытие, советская история, идентичность, исторический феномен, Горбачевская перестройка, Ельцинская перестройка

Для цитирования: Лоскутов В. А. Перестройка: от рассвета до заката (статья первая) // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 4 (39). – С. 82–102. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.4(39).09.

Perestroika: from Dawn to Dusk (Article 1)

Vladimir A. Loskutov

Yekaterinburg, Russia, rectoruapa@me.com

Abstract. The article attempts to metaphysically reconstruct Perestroika as a historical phenomenon and to reveal a multi-layer nature of its historical being and evolution. The author considers Perestroika a way to recur, renew, and elevate the historical existence of Soviet history from an indifferent to identical being – a way to address the problem of identifying the being and ‘all that exists’ of Soviet history. In the author’s view, it emerges and exists as a way for Soviet history to overcome its identity crisis. The paper analyzes different theoretical and methodological approaches that endeavour, from various angles and with varying degrees of insights into the research subjects, to reconstruct the essence of Perestroika as a historical phenomenon. The paper proves that the integrity and essence of this phenomenon is entirely determined by the “triple being” of Perestroika: the history of Perestroika, Perestroika as the annals of Soviet history, and Perestroika as a way to historicize itself and Soviet history. The author singles out historical stages of Perestroika (the emergence, becoming, and development) and concludes that it begins in 1983, ends in 1993 and comes in the form of Andropov’s, Gorbachyov’s, and Eltsin’s Perestroika. In the first phase, it exists as a tuning (the refinement, renewal, acceleration of the development) of socialism. In the second, it takes a form of a fitting out with the help of democratization to a ‘better socialism’ (Gorbachyov). In the final third stage, it proceeds as the negation of Gorbachyov’s Perestroika (the tuning), Perestroika’s negligible denial of Yeltsin’s Perestroika as a form of its realization (the completion), the alienation of Perestroika from itself and socialism as a mode of being of all that exists of Soviet history (the construction). The article examines in detail the first being of Perestroika - its existence as “Being-for-itself” (Sartre) “Being-as-Object” (Sartre) and “Being-Seen-by-Other” (Sartre) and justifies the need to reconstruct its beingness as “Being-Towards-Death” (Heidegger) of Soviet history.

Keywords: Perestroika, socialism, being, Soviet history, identity, historical phenomenon, Gorbachyov’s Perestroika, Eltsin’s Perestroika

Ярким и драматичным результатом «срыва перестройки» [Горбачев 1992], по мнению тех, кто ее проектировал и осуществлял, было «чистое исчезание» (Хайдеггер), распад СССР, столетие со дня основания которого мы в декабре 2022 года отмечаем. Справедливости ради следует вспомнить еще как минимум о пяти столь же драматичных следствиях ее «радикально-либерального» (Горбачев) срыва: об окончании строительства социализма и коммунизма, которые мы непрерывно созидали, начиная с 1917 года; о запрете КПСС, 125-летие с основания которой мы в этом году отмечаем; о ликвидации (1993) системы советской власти, которая была создана 98 лет тому назад; окончательном и бесповоротном развале системы социализма, просуществовавшей с середины 50-х годов почти сорок лет; о «крахе коммунизма» как идеи и практики мирового освободительного движения. Если бы в результате «радикально-либеральной ломки» (Горбачев) Перестройка не сорвалась, то у Страны Советов, как считают архитекторы Перестройки, был бы неплохой шанс на сохранение и обновление всего того, что к тому времени в ней было создано, построено и перестроено. Увы, но это предположение, на наш взгляд, является всего лишь мифом в ряду многих таких же умозрительных предположений касательно природы, сущности, этапов и форм развития, результатов и последствий Перестройки, которые мы собираемся в этой статье если и не преодолеть, то хотя бы серьезно потревожить их устоявшееся и уже вполне себе академическое существование. Попытаемся для этого максимально корректно, с необходимым в таких случаях максимально глубоким погружением, проникновением в предмет настоящего исследования использовать до сих пор практически никак и никем не задей-

станованный объяснительный, эвристический потенциал классической метафизики и феноменологии.

Основные теоретико-методологические подходы к реконструкции исторической природы и сущности Перестройки

Существует более или менее устоявшееся понимание того, что представляет собой Перестройка, когда она проходила и каковы ее результаты. Различия в определениях, подходах, оценках ее содержания, сущности, форм и способов осуществления сохраняются, но в целом они базируются на неких общих представлениях о природе данного исторического события, его месте и роли в истории нашей страны. Эти представления образуют своеобразную теоретико-методологическую рамку, внутри которой рождаются и умирают различного рода научные и околонучные гипотезы, идеи, концепции, подходы.

Наиболее популярной, массовой является такая теоретико-методологическая позиция, заняв которую любой исследователь, независимо от того, какую сферу научного познания он представляет, стремится к тому, чтобы максимально корректно *свести* определение сути Перестройки к чему-то более общему – определить ее в качестве изменения, преобразования, реформы, революции, модернизации, обновления, трансформации, восстановления, преодоления, освобождения, выхода, синтеза, исторического сдвига, возвращения, крушения, открытия, поворота, созидания, совершенствования, ломки, очищения, избавления, «разрушительного перерыва постепенности» [Медведев. Перестройка и реформация 2005, с. 126] и т. п. В результате такого рода псевдоаналитического сведения-определения бытие Перестройки превращается в «ряд пустых вместилищ, связанных друг с другом единством рассеивания» [Сартр 2015]. В процессе *выведения* из общего особенного и отдельного, их возвышения к конкретному и единичному это «пустое вместилище» как «бытие в-себе может разбиваться на множество или как в-себе, заключающее мельчайшие части или мгновения, может объединяться в единство одного времени» [Сартр 2015]. Разбиваясь на множество и объединяясь в единство одного времени, оно из «оболочки пустоты» (Сартр) превращается в «феномен самости» (Он же). Не распадается в «чистую внешность» и не раскрывается как ничто в-себе, но «темпорализуется, является везде трансцендентностью к себе» [Сартр 2015]. Оно становится «мирной трансформацией», «обновлением общества», освобождением «общества от деформаций и последствий “культы личности” застойного периода, от всего того, что тормозило обновление», способом «выхода страны из тоталитаризма» [Перестройка: двадцать лет спустя 2005, с. 423], «синтезом позитивных черт – социализма и капитализма» [Там же, с. 432–433], выходом «за пределы траектории предшествующего развития, за пределы исторической колеи» [Ворожейкина. В 1988 году ... 2015, с. 44], «революцией сверху» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022], «реформацией сознания» [Медушевский 2015], переходом «от авторитарно-бюрократического социализма к его гуманистической модели» [Перестройка: двадцать лет спустя 2005, с. 405], «постепенным демонтажом» социализма, «качественным изменением советского общества», «реформированием социализма», проектом «совершенствования общества в рамках социалистического выбора» [Славин 2005, с. 104], «мирной антитоталитарной революцией, совершенной во имя социалистических идеалов и торжества демократии» [Славин 2005, с. 113], эволюцией «в рамках социалистической системы» [Соловей 2005, с. 120] и т. п. Каждое из такого рода сведено-выведенных определений Перестройки не явно, но вполне очевидно намекает на то, что она является целостным *историческим миром*, бытие которого может быть раскрыто и установлено в конкретно-всеобщей

форме. Увы, но всего лишь намекает, ибо оно так и не раскрывает в себе принцип размыкания этого мира и его превращения в «полное бытие» (Сартр).

В поисках «магистрального направления» [Перестройка: двадцать лет спустя 2005, с. 404] Перестройки многие исследователи пытаются занять такую теоретико-методологическую позицию, которая позволила бы разомкнуть ее не просто как целостный исторический мир, но как связь времен и самость, что, в свою очередь, могло бы дать возможность непротиворечиво представить бытие ее сущности в-себе. Во время Перестройки в явном виде эта, по своей сути, рефлексивная методологическая позиция как бы и не существовала, да она и не могла в столь бурном, нескончаемом потоке изменений, превращений существовать. Было достаточно объемное, но слабо рефлексированное представление о сути этого процесса как освобождении общества от различного рода деформаций, формировании у него демократического измерения развития и внедрение в нем, в противоположность административно-командным отношениям, рыночных отношений. Эта позиция появилась, была осознана и представлена двумя разными моделями определения сущего Перестройки лишь после того, как данный процесс был завершен. Она теоретически развернута и реализована в виде двух «набросков» (Сартр) бытия ее сущего – в виде специфического образа перехода от тоталитаризма («сталинского тоталитаризма», «советского тоталитаризма», «“культы личности” застойного периода») к демократии и перехода от существующего социализма к социал-демократической модели его развития. После того, как данное «вместилище» сущего было, пусть даже и в виде наброска, определенно, начался процесс его активного заполнения различного рода «сверкающими на вещах» историческими событиями, которые «расцветивают его и магически вызывают его символизацию» [Сартр 2015] в виде особого *исторического процесса* – «круговорота самости» (Сартр) Перестройки. Однако, как нам это представляется, на этом пути из-за непроясненности внутренней логики данного процесса так и не удалось понять и объяснить связное и непрерывное, «сплошное бытие» (Сартр) Перестройки.

Перестройка – это не только особый исторический мир, специфический исторический процесс, но и полноценная, многообразная *историческая жизнь*. Для того чтобы это увидеть и понять, необходимо было занять принципиально новую, не констатирующую и рефлексивную теоретико-методологическую позицию, что и было сделано теми, кто стал рассматривать ее как «человеческую реальность» (Хайдеггер) у которой есть свой «исторический путь», «судьбоносный путь», «судьба» (Он же). Согласно их представлениям Перестройка, как и всякая иная «человеческая реальность сразу возникает как “обложенная” бытием», «она находит себя в бытии», «заставляет бытие, которое ее осаждает, расположиться вокруг нее в форме мира» [Сартр 2015]. Она оказывается обложенной бытием российской истории, находит себя, свое место в истории советской, заставляет мировую историю особым образом расположиться вокруг нее. Обо всем этом мы узнаем от тех исследователей Перестройки, которые осознанно или неосознанно пытаются занять и действительно занимают отличную от констатирующей и рефлексивной позицию, которую мы достаточно условно называем исторической.

В их представлении Перестройка – это особое «движение овнутрения» [Сартр 2015] российской истории. Она «была порождена кризисом традиционной для России государственно-центричной модели» [Ворожейкина. Современная Россия ... 2015, с. 139] и «стала второй после Февральской революции 1917 года масштабной попыткой вывести страну из зависимости «от траектории предшествующего развития, за пределы исторической колеи» [Ворожейкина. В 1988 году ... 2015, с. 44]. В этом смысле можно воспринимать Перестройку «как системную попытку обновить, реформировать традиционализм – попытку, которая завершилась несистем-

ными последствиями» [Шевцова 2003, с. 78]. Как попытку выйти за рамки «русской системы» («крест пространства, крест империи, крест догоняющего развития») [Кувалдин 2003, с. 54].

Перестройка – это, с одной стороны, постоянное отсутствие советской истории «для-себя в самом себе по способу тождества» с собой; с другой стороны, она «является постоянным переходом к совпадению с собой» [Сартр 2015] как социализмом, который есть «судьба» советской истории и, будучи таковой, «сущностно экзистенцирует в событие-с-другими» [Хайдеггер 2003]. Экзистенцирует как «системная трансформация советского общества», «проект совершенствования общества в рамках социалистического выбора» [Барсенков. В контексте системной трансформации 2005, с. 103–104], «эволюция в рамках социалистической системы» [Соловей 2005, с. 120] и, наконец, как «последняя глава советской истории» [Перестройка: двадцать лет спустя 2005, с. 435].

Посредством Перестройки «множество приходит в мир» [Сартр 2015]. Определенное множество различных исторических ситуаций приходит в мировую историю и образует в ней на основе общечеловеческих интересов и ценностей, как об этом вполне убедительно заявило «новое мышление», «новая философия мира» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022], особый «судьбоносный исторический путь» (Хайдеггер). В этом «сообщении и борьбе власть исторического пути впервые становится свободной» и создает «полное собственное событие» [Хайдеггер 2003] своего присутствия как бытия-в-мире – опосредованно им происходит возвращение «страны в общий прогресс цивилизации», «включение страны в мировую экономику» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022]. А сама Перестройка обретает, наконец, свое «позитивное бытие» (Сартр).

Нам наиболее близка и понятна позиция не идеолога, устроителя, архитектора и прораба, активиста, исследователя Перестройки, а позиция «энтузиаста перестройки», который, пытается реконструировать ее бытие и смысл, руководствуясь не только сугубо духовными потребностями и утилитарными практическими интересами, но всем тем, что определяет и формирует историческую сопричастность данному феномену. На наш взгляд, в настоящее время только она и может реально способствовать существенному повышению уровня интеллектуального постижения природы и сущности данного исторического феномена.

По нашему мнению, действительно продуктивным может быть лишь тот теоретико-методологический подход к определению сущности и исторической природы Перестройки, который способен диалектически снять в себе позитивный потенциал уже существующих и реализованных, концептуально осмысленных программ определения ее сущего, который может создать *синтетический* образ ее целостного бытия как *исторического феномена – единства исторического мира* («полного бытия»), *исторического процесса* («сплошного бытия») и *исторической жизни* («позитивного бытия»).

В настоящем исследовании мы попытаемся путем инверсии в рефлексивные границы, пределы, горизонты осуществления данного предмета исследования, как совершенно по другому поводу говорил М. С. Горбачев, – «углубить» наше понимание природы этого исторического феномена, объяснить противоречивое единство его *бытия, сущности, развития*.

Кризис идентичности советской истории – историческая необходимость бытия Перестройки

В начале 80-х годов «страна все глубже погружалась в застой. Фактически прекратился экономический рост. Идеологические догмы держали в тисках ин-

теллектуальную, культурную жизнь. Бюрократическая машина претендовала на тотальный контроль жизни общества, но не могла обеспечить удовлетворение элементарных потребностей людей» [Горбачев 2006]. Перестройка возникает как ответ советской истории на реальную угрозу своего ничтожения. А что, в таком случае, является источником и движущей силой ее собственного развития, что определяет воспроизводство возможности и необходимости перестройки исторического бытия советской истории? Какие формы его существования конституируют собственно историю Перестройки?

Если отвечать на эти вопросы предельно кратко, имея в виду, в первую очередь, выявление исторической необходимости осуществления Перестройки, то можно отметить следующее: с ее помощью советская история пытается разрешить те проблемы и противоречия, которые были источником и основанием *кризиса идентичности* исторического бытия советской истории.

Первое, на что мы хотели бы обратить внимание, приступая к их анализу, что создает серьезные трудности для понимания природы изучаемого нами объекта, – это практически полное отсутствие, несмотря на богатейшее наследие классической и современной философии, достаточных философских оснований теоретического определения феномена идентичности. Никак нельзя признать успешными и осмысленными те судорожные попытки выхватывания из философской традиции отдельных понятий и категорий, которые затем, очень часто вне всякой связи друг с другом, используются в качестве такого рода оснований. Можно согласиться с тем, что «в самом понятии идентичности заложена смысловая многомерность. Оно означает и тождественность (как соотнесение и отождествление с определенным кругом понятий), и подлинность (в смысле характеристики подлинного, а не мнимого содержания), и индивидуальность (в применении к характеристике ярко выраженных личностных качеств)» [Семененко 2011]. Однако хотелось бы понять источники и пределы этой многомерности. Что делает некоторый объект тождественным, подлинным, индивидуальным? Только ли то, что ему присуще по определению от природы, или есть некие общие механизмы сотворения его идентичности, которые относительно не зависят от того, что это за объект и как он существует? У нас нет никакой возможности в данной статье полноценно и последовательно развернуть все богатство смыслов и идей метафизической концепции идентичности. Укажем лишь на ее ключевые определения, которые могут помочь нам концептуально смоделировать систему координат исторической идентификации советской истории и Перестройки.

В отличие от подавляющего большинства исследователей проблемы идентичности, которые в основном ориентируются на установление ее сущего посредством подведения его под, например, такие универсальные характеристики всякого бытия, как тождественность, самость, собственность, подлинность, индивидуальность и т. п., мы пытаемся определить содержание и смысл данного понятия путем его выведения из особого способа бытия всякого сущего – из процесса его *идентификации* как феномена.

Идентификация – это отрыв бытия от самого себя, его отрыв «от самого этого отрыва» и «отрыв от себя к себе», то есть его «возвращение к себе является отрывом от себя, чтобы возвратиться» [Сартр 2015]. В результате отрыва бытия от себя оно превращается в *идентичное бытие*. В процессе отрыва от самого отрыва оно становится *идентичностью бытия идентификации*, которая проявляется в виде различного рода идентификаторов. Когда бытие отрывается от себя к себе, возникает *бытие идентичности*, которое снимает в себе единство идентичного бытия и множественность его идентификаторов.

Идентификация бытия осуществляется тремя разными способами, о которых подробнее мы поговорим в заключительных разделах нашего исследования. Она открывает идентичное бытие посредством его *идеализации*. Раскрывает себя как совокупность взаимодействующих между собой идентификаторов путем *автономизации* идентичности идентификации на фоне идентичного бытия. Реализует всевозможные возможности и скрытый потенциал идентификации путем *трансцендирования* бытия идентичности.

История устанавливает свою идентичность посредством особого способа идентификации – посредством своей истории [Лоскутов 2020]. У всякой истории есть собственная история, которая конституирует ее историческое бытие в качестве идентичного бытия (1), полагает саму себя как единство различных «бытийных устройств» (Хайдеггер) ее идентификации (2), становится «основоустройством» (Хайдеггер) бытия ее идентичности (3).

История истории превращает ее историческое бытие в *феномен*. Она является своеобразным «метафизическим коэффициентом» (Сартр) его развития, фиксирующим, полагающим степень идентичности данного бытия самому себе, своей сущности и способу ее бытия. В случае обнуления этого коэффициента историческое бытие теряет свою идентичность, способность и умение быть историей и превращается «по способу небытия» в нечто «застывшее, недейственное, превзойденное», неспособное возвысить себя ни над чем – «каменеет в-себе» как «мертвая-возможность» [Сартр 2015]. История без истории «течет застывшим течением, которое похоже на течение воды, как тяжелый полет курицы у поверхности земли похож на полет ястреба» [Сартр 2015].

«Потеря» историей своей истории превращает ее в «абсолютный монолит» (Сартр) из которого под колоссальным давлением пустоты буквально выдавливаются, испаряются в небытие основные процедуры ее существования и бытийствования и, в первую очередь, те из них – возникновение и исчезновение, которые конституируют ее становление и развитие. Что и приводит, в конечном итоге, к тому, что бытие истории становится неизменным и безразличным к самому себе – становится пустым сообщением, которое она посылает из пустоты в пустоту.

История без истории есть индифферентное, безразличное к самому себе бытие, поскольку оно становится «“повисшим в воздухе”, внешним Для-себя, как и к В-себе» бытием [Сартр 2015]. Его онтологическая структура достаточно проста. Индифферентное бытие существует как фон (1), представляет собой скользящую по поверхности фона форму (2), является как «конечная организованная форма в глубине неопределенного рассеивания» [Сартр 2015] (3) себя как фона. Онтологическая структура движения индифферентного бытия значительно сложнее. Она фиксирует то, как «оно есть ничто» (1), каким образом с помощью «распадающегося отрицания» индифферентное бытие «изолируется и выделяется на поверхности мира как отражение ничто в бытии» [Сартр 2015] (2). Как оно «из бытия, пересекается зонами ничто» и «отбрасывается в ничто» [Сартр 2015] (3).

Все эти качества существования и движения индифферентного бытия особым образом проявляются в советской истории во времена так называемого Застоя. В результате истощения и источения истории советской истории она теряет свою идентичность и превращается в абсолютно индифферентное, безразличное к самому себе бытие. Мы называем этот процесс *кризисом идентичности* советской истории.

Перестройка как «исторический подвиг» [Перестройка: двадцать лет спустя 2005, с. 221] началась с попытки реформ сверху «остановить сползание страны к кризису» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022, с. 821], преодолеть некоторые «кризисные явления» в советском обществе, которое на тот момент оказалось «в предкри-

зисном состоянии» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022, с. 35]. Если бы Перестройка задержалась, то это могло бы привести к «серьезному социально-экономическому и политическому кризису» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022, с. 18]. Нужен был выход из «предкризисной ситуации» [Там же, с. 107]. Им-то и оказалась Перестройка. Однако, как потом оказалось, она не только не привела к преодолению кризиса, но в результате «кризис общества еще больше обострился» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022, с. 9]. Более того, она установила, что «наступивший кризис носит не частичный, а общий, системный характер» [Там же, с. 1140] и его важнейшим элементом является кризис самой Перестройки. На рубеже 1986–1987 годов был «первый серьезный кризис перестройки» [Там же, с. 930–931]. За ним последовали и другие. При «драматическом финале перестройки» [Горбачев 2006, с. 100] «восторжествовала логика радикально-либеральной ломки, которая дала реформации иной поворот и породила кризис демократического развития» [Красин 2011, с. 127] – породила «кризис и срыв перестройки» [Горбачев 2006, с. 10].

Легко видеть, что кризис и Перестройка связаны между собой неразрывно. Они взаимопроникают друг в друга, определяя тем самым динамику и характер изменения целостности советской истории. Мы несколько не погрешим против истины, если сформулируем одну из ключевых гипотез данного исследования в следующем виде: по своей сути Перестройка есть единство различных способов кризисного развития советской истории и разных процедур его преодоления.

Перестройка – это определенная реакция советской истории на некоторые, наиболее существенные противоречия своего развития. Она является, одновременно, способом развития кризиса ее идентичности и выхода из него. В этом смысле Перестройка существует как исторически определенный способ движения кризиса идентичности советской истории.

Она *возникает* как результат развития «застойных явлений» (Горбачев) советского общества и попытка их преодоления путем «совершенствования» и «ускорения» его развития. Перестройка *становится* формой осуществления кризиса социализма и способом его преодоления посредством демократизации. Кризис Перестройки завершается не ее исчезновением – «срывом» и «крахом», как считают многие сторонники Горбачевской Перестройки, а *развитием*, которое восстанавливает идентичность исторического бытия советской истории в виде ее «бытия-к-концу» (Хайдеггер).

Ничего уничижительного в определении Перестройки как способа движения кризиса советской истории и кризиса собственной истории нет. Напротив, оно открывает принципиально новые возможности реконструкции и понимания того, что же это был за системный кризис и каким образом Перестройка продвигала его к концу. Она не нависает над бурлящим, постоянно изменяющимся кризисом как некий неподвижный купол, но осуществляется как специфический способ движения упомянутого кризиса, при котором в ней не только возникает соответствующий повод, источник, движущая сила его осуществления, но и выявляется такой способ бытия Перестройки, который включает в себе возможность, необходимость, неизбежность его преодоления.

Кризис идентичности отражает и выражает неспособность данного исторического бытия иметь свою историю, которая бы открывала его как то, что «есть», раскрывала в нем его способность «быть», реализовала бы его умение быть самим собой. Он делает историческое бытие «голым “как оно есть и имеет быть”» [Хайдеггер 2003]. В советской истории этот кризис случился во времена так называемого Застоя. Именно тогда советская история потеряла свою идентичность, «застывает в своем ничто-в-себе» [Сартр 2015] как «развитое социалистическое общество» [Великий Октябрь ... 2022, с. 1968] – «застывшее движение трансцендентности»

[Сартр 2015] советской истории. У нас нет возможности в данной статье подробно анализировать причины и механизмы формирования «застойных явлений» советской истории. Для того чтобы понять и объяснить смысл и историческую природу Перестройки, нам будет вполне достаточно определить сущность того кризиса советской истории, который с необходимостью привел к Перестройке.

Застой лишил советскую историю такого способа бытия ее сущего как строительство. После непродолжительного, но достаточно бурного строительства коммунизма советская история как бы «застывает в логической вечности» развитого социализма – «мое произведение выступает для меня как непрерывное творение, но застывшее в-себе» [Сартр 2015]. Для того чтобы это «общенародное» творение могло вернуться к жизни, возвратиться в советскую историю в качестве способа ее исторического бытия, оно должно было сначала преобразовать его так, чтобы это бытие из бытия-в-себе стало бытием-для-себя. Что и сделала Перестройка как особый способ идентификации исторического бытия советской истории и способ возвращения ей ее истории.

Эпоха Застоя положила конец безудержному коммунистическому строительству достаточно странным образом – она определила его начало. Зафиксировала то, что было уже построено как «развитой социализм», и стала рассматривать это нечто как первоначальную базу для перехода ко второй, заключительной фазе строительства коммунизма. Посредством такого рода незамысловатой процедуры она зафиксировала определенное состояние развития советской истории, находясь в котором она не сразу, но постепенно начала изживать из себя свою собственную историю. Дело не в том, что это было время какой-то необычайной стабильности или отсутствия хоть сколько-то значимых реформ, а в том, что в это время происходило «источение» из советской истории того, что в действительности обеспечивало ее развитие. В результате этого процесса, об особенностях протекания которого мы в данной статье по понятным причинам подробно говорить не можем, история советской истории все более превращалась в миражи «развитого социализма» и перемещалась в светлое прошлое, когда все только строилось, и было «вперед себя самого» (Хайдеггер) «вперед-себя-бытием» (Хайдеггер).

Что же такого необычного в «социалистическом созидании» в середине 80-х годов произошло, что вызвало необходимость перехода от всепобеждающего строительства к Перестройке того, что было построено? Начался «постепенный переход к коммунизму» [Андропов 2022], то есть начатое в 60-х годах бурное строительство коммунизма продолжилось, но теперь в форме постепенного перехода. В начале «этого длительного исторического этапа» [Андропов 2022] оказался не социализм, одержавший полную и окончательную победу над всеми своими врагами и недругами, а развитой социализм, который был к тому времени в общих чертах построен и представлял собой, по определению его устроителей, «зрелый социализм» [Великий Октябрь ... 2022, с. 2715]. Однако, несмотря на всю его зрелость, он не мог обеспечить переход к коммунизму лишь за счет того исторического потенциала, который в себе заключал, что создавало серьезные проблемы для продолжения эффективного строительства коммунизма. Для того чтобы идти дальше, нужно было качественно изменить стартовую площадку продвижения к коммунизму – надо было сделать так, чтобы в социализме стало «больше социализма». Каким же образом можно было обеспечить увеличение «ядра плотности» (Сартр) его бытия, когда строительство социализма уже завершилось, а для того, чтобы стать неотъемлемой частью строительства коммунизма, ему не хватало социализма? Нужно было взять паузу в строительстве и с помощью совершенствования, ускорения развития, обновления социализма сделать его настолько «больше», чтобы хватило для участия в полноценном строительстве коммунизма. Этой паузой и была Перестройка, которая

как антагонист строительства социализма и протагонист строительства коммунизма, оказавшись между двумя стратегиями развития строительства нового общества, между старым (строительство социализма) и новым (строительство коммунизма) строительством, предложила свой особенный путь продвижения вперед – решительный и однозначный отказ от строительства того и другого ради перестройки того, что уже было построено. Хотите еще больше социализма? Начните перестраивать тот социализм, который уже построили!

И все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. Мы кратко описали то, что происходило среди разных «выпуклостей» на поверхности нашего постепенного продвижения к коммунизму, теперь обратимся к тому, что происходило в те годы в «ядре непрозрачности» советской истории, вокруг которого располагалась в виде развитого социализма ее «абсолютная полнота и совершенная положительность» [Сартр 2015]. А происходили там события по своему внутреннему трагизму и метафизическому смыслу ничем не уступающие тому, что Гегель и Маркс определяли как ««конец истории»»: для Гегеля, это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество» [Фукуяма 2022]. В нашем же случае конец советской истории наступал в виде *кризиса строительства социализма*, который убедительно и окончательно засвидетельствовал потерю ею своей истории.

Перестройка предложила советской истории саму себя, собственное бытие (первое бытие) и его историю в качестве ее истории. По мере ее возвращения в советскую историю становилось все более очевидным то, что в последней существуют достаточно серьезные механизмы торможения и разрушения, которые активно противодействуют процессу единения советской истории и Перестройки как ее истории. Для того чтобы их преодолеть, потребовалось перестроить бытие самой Перестройки (второе бытие) – задать принципиально новый вектор ее историческому развитию. В процессе его реализации выяснилось, что история Перестройки и Перестройка как история советской истории проблему ее идентичности все-таки до конца не решают. Возникает необходимость изменения посредством Перестройки способа бытия сущего советской истории. Она делает это посредством превращения себя и своего бытия (третьего бытия) в историю самой себя и конкретно-историческую форму историоризации советской истории. Для этого она ничтожит саму себя. Становится тем, чем она быть не могла, к чему не была способна, чем не умела быть. Становится строительством себя как, с одной стороны, способа «самостояния» собственной самости, с другой стороны, способа «обнажения» (Хайдеггер) сущности советской истории.

Три бытия Перестройки – это три разных способа идентификации ее собственного бытия в качестве истории исторического бытия советской истории. Они существуют, являются (бытийствуют) и становятся одновременно, что делает Перестройку не просто сложносоставным историческим феноменом, но конституируют и показывают ее целостность и сущность в развитии. Их последовательная теоретическая реконструкция должна позволить создать такой целостный образ Перестройки, который глубоко и сущностно отражает единство и конкретное тождество процессов восстановления идентичного бытия советской истории (бытие «есть»), возобновления идентичности ее идентификации (собственное бытие), возвышения к бытию ее идентичности («самостояние самости» [Хайдеггер 2003] бытия).

История Перестройки (первое бытие)

Перестройка как исторический феномен осуществляется в тех же самых субстанциональных формах, которые являются основными для советской истории как целого. Конечно, они наполнены особым конкретно-историческим содержанием,

реализация которого конституирует своеобразие данного этапа (периода) развития советской истории. Перестройка является конкретно-всеобщим способом возвышения ее исторического бытия к его сущности и в то же самое время многоцветной мозаикой разнообразных исторических событий, ситуаций и состояний, которые в конечном итоге и делают ее не просто «историческим путем» (Хайдеггер), а «судьбоносным путем» (Он же) развития советской истории. Как феномен она особенным способом, с помощью специфических механизмов существования, бытийствования и становления соединяет в себе свое собственное бытие и сущее советской истории.

Очень часто вопрос о том, что представляет собой Перестройка, подменяется вопросом о том, что было, происходило, имело место во время Перестройки. В результате такой подмены Перестройка оказывается особенным способом «собираения частей в кучку» [Хайдеггер 2003], который не только не позволяет проникнуть в сферы бытия сущего данного исторического феномена, но, совсем наоборот, создает достаточно устойчивую и гибкую систему защиты этого бытия от проникновения в его скрытые тайны. В своем исследовании мы ориентируемся на то, чтобы раскрыть не только «собственность самобытия» (Хайдеггер) Перестройки, но и, что принципиально отличает наше исследование от многих других, через реконструкцию разных способов ее бытия определить «бытийные отношения» (Хайдеггер) и «бытийные устройства» (Он же) ее развития.

Первое бытие Перестройки существует как «данное», бытийствует в форме «объекта», становится способом бытия «другого». Эти определения ее бытия отражают и фиксируют то, каким образом, в каких формах развивается ее история и как, с помощью каких механизмов она становится историей советской истории.

Данное

Перестройка «появляется ни как бытие, ни как способ бытия, но как полностью «десубстанционализированное отношение» бытия и ничто, которое является для бытия исключительно внутренним отрицанием, которое «может быть лишь делом бытия, которое находится в постоянном отходе, отступлении от себя» [Сартр 2015]. Своим появлением оно «не изменяет сущность качества, так же как и не актуализирует его. Качество остается точно тем, чем оно является; изменяется именно способ его бытия» [Сартр 2015]. Л. И. Брежнев называл это качество развития советской истории «развитым социализмом» [Великий Октябрь ... 2022]. Способ его пока еще «сырого бытия» (Сартр) Сартр называл «datum», а Ю. В. Андропов – «совершенствованием развитого социализма» [Андропов 2022]. По своей природе «данное есть только то, чем оно является» [Сартр 2015]. А является оно «сырым существующим, принимаемым, чтобы быть возвышенным» [Сартр 2015]. Его принятие позволяет «преодолеть бытие, которое убегает, являясь тем, что оно есть в форме небытия» [Сартр 2015]. Позволяет преодолеть развитой социализм как бытие советской истории, которое с помощью его совершенствования убегает от самого себя – его «есть» осуществляется как бытие Перестройки. В этом процессе datum Перестройки существует «не как результат тождества бытия-в-себе, но как своего рода призрак внешности» [Сартр 2015], как некая данность (вещь) и продукт «отрицательной инверсии» (Сартр) Застоя в-себе. Призрак внешности показывает, каким образом в процессе совершенствования развитого социализма бытие советской истории «берется на себя» и «в свете небытия проясняется бытие-в-себе» [Сартр 2015] – в свете бытия Перестройки проясняется бытие в себе советской истории.

Перестройка *возникает* в эпоху Застоя советской истории как бытие небытия ее субстанциональной формы – развитого социализма. Она является особенным способом его совершенствования, обновления, ускорения развития – «она является бытием, которое осуществляет то, что существует данное в отрыве от него, и проясняет это данное в свете еще-не-существующего» [Сартр 2015]. Перестройка делает себя существующим «данным» путем отрыва от своего существования и прояснения своего «данного» как еще не существующего. В этом случае она существует как способ *настройки* советской истории на продолжение ее строительства. Она как бы отталкивается от строительства для того, чтобы зафиксировав его небытие, попытаться вернуть его в бытие – вернуть его небытию бытие: «в процессе решения задач совершенствования построенного у нас социализма и происходит постепенное продвижение к коммунизму», «это позволит дать объективную реалистическую картину совершенствования развитого социализма и постепенного продвижения к коммунизму», ибо «в процессе совершенствования развитого социализма и происходит постепенное продвижение к коммунизму» [Черненко 1985]. Ее суть в «приведении всех сторон жизни нашего общества в соответствие с высшими требованиями научного социализма» [Черненко 1985]. Наша «страна находится в начале этапа развитого социализма», поэтому «совершенствование развитого социализма составит целую историческую эпоху. Она будет иметь свои конкретные ступени, свою последовательность задач, свои сроки» [Черненко 1985].

Перестройка как «данное» – это не просто особая форма бытия небытия советской истории, но такое бытие, которое включает в себе в качестве способа несуществования советской истории ее строительство. Она настраивает советскую историю на достижение такого бытия, которое могло быть строительством коммунизма – которое могло обеспечить выход «на рубежи непосредственного коммунистического строительства» [Черненко 1985]. Как «данное» она представляет свое бытие в виде совокупности особых процедур изменения социализма. Ю. В. Андропов предложил в качестве такой процедуры *совершенствование* «развитого социализма», «хозяйственного механизма», «народнохозяйственного механизма», «нашей демократии» [Андропов 2022]. К. У. Черненко – «активизацию всех процессов совершенствования» путем «обновления экономических структур», «быстрого и непрерывного обновления всех отраслей народного хозяйства», «обновления основных фондов» [Черненко 1985]. М. С. Горбачев сделал акцент на процедуре «ускорения социально-экономического прогресса», «ускорения экономического развития», «ускорения темпов роста», «ускорения социально-экономического развития страны» «активизации человеческого фактора» [Горбачев 1985]. Предложенная М. С. Горбачевым концепция Перестройки в той или иной форме заключала, снимала в себе позитивный потенциал всех этих процедур, что позволило ему выделить в ней ее суть – «глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022].

Перестройка как «данность» бытия своей истории – возникновения, еще не имеет в себе «твердого бытия как опоры» [Сартр 2015]. Сначала в качестве такой опоры мыслился «развитый социализм», затем – социализм как таковой. Для того чтобы определить его «твердость», надо было превратить социализм из определения *datum*, колеблющегося «между бытием и Ничто», в «объект» самобытия. Надо было «оторваться от причинных рядов, которые создают бытие и которые только и могут создавать бытие» [Сартр 2015]. Оторваться от них и разомкнуть в себе то «твердое бытие», которое только и есть его «опора».

Бытие-объект

Перестройка из «данного» становится «объектом» (Сартр) в процессе так называемой Горбачевской перестройки, когда она с необходимостью «заключается в скобки» собственной истории как самостоятельного бытия. Эта «необходимость для данного появляется лишь в рамках ничтожения, которое его открывает, происходит только с внутренним отрицанием», в процессе которого происходит ее отрыв от «данного» и разрыв с ним – чтобы «не быть данным, нужно чтобы для-себя непрерывно конституировалось как отход от самого себя, то есть оставляло себя позади как *datum*, которым оно больше уже не является» [Сартр 2015]. Перестройка отрывается, отходит от самой себя как совершенствования, ускорения и обновления «зрелого социализма». Она отходит от своего бытия, поскольку «оно есть бытие, которое не находит никакой поддержки, никакой точки опоры в том, чем оно было» [Сартр 2015]. Где же ей искать эту точку опоры?

Оказавшись в скобках собственной истории, «данное» «являлось само тем, что оно берет и основывает, что оно спасает от экстатического распыления» в самом себе посредством возвращения «данного к результату, который нужно получить» [Сартр 2015]. В процессе возврата к себе как основанию собственного бытия Перестройка возвращает свою историю к ее истокам – к ленинской концепции социализма.

Для того чтобы выйти за скобки своей истории, возвыситься к результату, который нужно получить Перестройке, необходимо было предпринять определенное «усилие с целью быть самому себе собственным основанием» [Сартр 2015] и «объектом» самоизменения. Она делает это усилие, выбирая из того, из чего она не может не выбирать – выбирая себя из себя. Выбирает себя как «объект» для перестройки. В результате совершенно естественным образом она попадает в ситуацию абсурда: «этот выбор абсурден не потому, что он не имеет основания, но потому, что нет и не было возможности не выбирать» [Сартр 2015]. Он «абсурден в том смысле, что он есть то, благодаря чему все основания и причины принадлежат бытию» [Сартр 2015] того, что Перестройка собирается перестраивать. Они не просто принадлежат ему, но делают его абсолютным бытием, «феноменальный выбор» которого превращает бытие Перестройки из «данного» в «объект» перестройки, который «обращается к своему бытию, чтобы прояснить его в свете своей цели» [Сартр 2015].

Горбачевская Перестройка посредством отхода от развитого социализма, возвращения к ленинскому социализму и возвышения к демократическому социализму превращает те исторические «скобки», в которые она помещает саму себя в границы, пределы и горизонты своего бытия. Делает это она посредством особой процедуры – *демократизации* социализма.

Устремляясь в процессе Перестройки к в-себе, как «социалистической перестройке» [Лигачев 2022], она убегает от себя, и это «бегство не является данным, которое прибавляется сверх всего к бытию для-себя, но для себя есть само это бегство» [Сартр 2015]. Горбачевская перестройка и есть бегство Перестройки от самой себя к себе в поисках основания своего бытия. Она находит это основание в себе как «последовательное развитие демократических форм, присущих социализму» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022].

Для М. С. Горбачева демократизация была важна не сама по себе. С ее помощью он пытался ускорить развитие, обновить все формы общественной организации социализма и прийти «к лучшему социализму» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022]. Он писал: «Вся наша программа перестройки как в целом, так и в отдельных компонентах полностью

базируется на принципе: больше социализма, больше демократии» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022]. Для того чтобы было «больше всего того, что заложено в самой природе социализма», надо, чтобы было больше демократии – «мы хотим больше социализма и поэтому больше демократии» [Там же]. В Горбачевской Перестройке демократизация была ее «сутью», «фундаментом», «стерженьем», путем «реализации человеческого фактора как главного резерва», «гарантом необратимости» [Там же] ее самой. Мыслилось так, что «в результате перестройки, демократизации страна станет богаче и сильнее. Жизнь будет лучше» [Там же]. Демократизация по отношению к социализму в Горбачевской Перестройке выполняла служебную роль, была способом, средством, формой достижения того состояния развития советского общества, в котором было бы «больше социализма». Она не была целью Перестройки, но лишь «возвышала ее цели» [Там же], которые, по мере развития перестроечных процессов, существенно менялись. Она была способом заключения истории Перестройки в достаточно жесткие скобки «продуманной и систематизированной программы» [Там же] достижения того, чтобы в социализме было «больше социализма». Роль этих скобок исполняли соответствующие Пленумы ЦК: апрельский (1985), январский (1987), июньский (1987). Горбачев называет время апрельского Пленума ЦК «философским этапом» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022] Перестройки. За ним последовал «организационный» этап, на котором Перестройка из «имения бытия» (Хайдеггер) превратилась в «имение-дела» (Хайдеггер). Были приняты решения, которые «послужили основой для перехода от философской концепции перестройки и первых практических действий по методу “проб и ошибок” к полномасштабной и глубокой реформе всех сторон общественной жизни» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022].

В демократии нуждался социализм. Не в меньшей, а, может быть, и в большей степени в ней нуждалась и Перестройка, ибо «только через демократию и благодаря демократии возможна сама перестройка» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022]. На наш взгляд, можно говорить о трех волнах демократизации социализма и Перестройки в условиях Горбачевской Перестройки. Апрельский Пленум ЦК 1985 года «обозначил поворот к новому стратегическому курсу, к перестройке, дал основы ее концепции», в центре которой оказалась «замечательная ленинская формула: социализм – это живое творчество масс» [Там же]. На апрельском Пленуме ЦК в рамках программы совершенствования развитого социализма был предложен подход, который в дальнейшем (1986) был определен как Перестройка. Он указал путь выхода за существующие *границы* развитого социализма – путь существенного ускорения его развития, в том числе за счет активизации человеческого фактора. Это был путь, открывающий возможность превращения «ускорения» в кардинальную «перестройку» не только «хозяйственного механизма в целом» [Там же], но и всего общества. Существовали разные способы и средства осуществления этой возможности: интенсификация экономики, ускорение научно-технического прогресса, перестройка управления и планирования, структурной и инвестиционной политики и т. п. Но, как оказалось, решающее значение в этом превращении сыграла своеобразная протодемократизация – «динамизация» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022] человеческого фактора.

На январском, как его затем назвали – «судьбоносном», Пленуме ЦК 1987 года была представлена программа «всесторонней демократизации общественной жизни» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022]. Горбачев называл ее «малой революцией» [Горбачев. Жизнь и реформы 2022] в партии. Она заключала в себе пути и способы «демократизации политической системы» [Медведев. У перестройки был свой шанс 2005, с. 13] советского общества. Перестройка как бы обернулась на саму себя и свою историю. Вычленила в ней те «застойные явления»

(Горбачев), которые тормозили перестроечные процессы (политическая система, кадровая политика, партийный и советский аппарат), но при определенных условиях могли бы обеспечить значительное повышение их эффективности. Они не были способом преодоления границ социализма («развитого социализма»), как это было в апреле 1985 года, но были *пределами* данного процесса: «Для того чтобы граница, которая есть вообще в нечто, была пределом, оно необходимо должно вместе с тем внутри самого себя переступить ее, в самом себе соотноситься с нею как с некоторым не-сущим» [Гегель 1937]. Данные пределы конституировали процесс погружения социализма в основания своего бытия – процесс возвращения к ленинскому социализму. Они фиксировали и создавали условия для «динамизации» человеческого фактора. В первую очередь в политике. Но не только. К этим пределам относятся, в первую очередь, гласность и альтернативные выборы. Попытка накрыть аппаратное бытие политической системы куполом отмеченных форм демократизации привела к тому, что Перестройка превратилась в политическую борьбу. Начался процесс разъединения и консолидации разных политических сил, поиска ими своего собственного образа Перестройки. На этом Пленуме впервые демократизация была определена как суть Перестройки: «Только через демократию и благодаря демократии возможна перестройка» [Горбачев. О перестройке и кадровой политике ... 1987]. В качестве мощного рычага оздоровления общественной атмосферы и демократизации, способа «ускорения» Перестройки предлагалось, в первую очередь, развивать гласность.

На июньском Пленуме ЦК 1987 года были утверждены «Основные положения коренной перестройки управления экономикой». Третья волна демократизации должна была обеспечить «перенесение центра тяжести с преимущественно административных на преимущественно экономические методы руководства на всех уровнях, широкую демократизацию управления, всемерную активизацию человеческого фактора» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022]. Широкая демократизация управления и активизация человеческого фактора должны были помочь Перестройке не просто существовать и ускорять свое развитие, но эффективно реализоваться – возвыситься к *горизонту* своего исторического бытия. По своей сути это был процесс возвышения Перестройки к «новой границе» (Гегель) собственной истории – истории продвижения с помощью определенных форм демократизации к демократическому социализму как «горизонту потенциальности» (Гуссерль) Перестройки. Возвышаясь к этому горизонту, она открывает в себе демократизацию как свое сущее. Открывает ее не как человеческий фактор или какие-то особенные демократические формы типа гласности или выборов, но как самостоятельность и самодеятельность людей, самоуправление народа, творчество масс: «И еще один вывод, можно сказать, – главный. Это опора на самодеятельность и творчество масс, активное участие самых широких слоев трудящихся в осуществлении намеченных преобразований, то есть демократизация и еще раз демократизация» [Горбачев. Перестройка и новое мышление ... 2022].

С помощью демократизации, самостоятельности разных субъектов общественного развития Перестройка «дает себе исходно понять свое бытие и бытийное могу в плане своего бытия-в-мире» [Хайдеггер 2003]. Она опережающе высвобождает свое сущее как подручное средство достижения того, «ради-чего» (Хайдеггер) она делает свою историю. Оказывается, что делает ее она не ради себя, но ради социализма, которого будет больше только в том случае, если будет больше демократии.

Перестройка как граница, предел и горизонт – это своеобразные образы ее собственной, произведенной, производящей, произведено-производящей истории, исторического освоения, возвращения, возвышения к демократизации как бытию своей сущности. Они отражают то, как последовательно преодолевая границы, пре-

образуя пределы, достигая горизонты, заключенная в скобки собственной истории Перестройка посредством демократизации превращается из «имения бытия» социализма в его «имение-дела». Как она с помощью демократизации встречается со своей историей, в результате чего выходит, вырывается за скобки своего исторического («объектного») бытия и становится «другим бытием» (Сартр).

Другое

Третий способ бытия Перестройки как для-себя бытия ее истории возвышает ее к себе как такому бытию, которое способно из «данного» и «объекта» стать по ту сторону своего бытия «другим» (Сартр) и обрести свободу от бытия собственной истории в-себе. «Свобода для-себя всегда в действии» [Сартр 2015], и этим действием была достройка Перестройкой своей истории до для-себя бытия – ее освобождение от собственной истории и превращение в Ничто. Она достраивает свое бытие до Ничто в форме Ельцинской Перестройки.

Трансформация Перестройки из «данного» в «другое» (из Горбачевской Перестройки в Ельцинскую Перестройку), из «объекта» в «*бытие другого*» (из Перестройки в Ельцинскую Перестройку), «другого» в «*другое-бытие*» (из бытия Перестройки в Перестройку как Ничто) ведет к тому, что она «скатывается к отчуждению, в каком от него таится самое свое умение быть» (Хайдеггер). Отчуждение Перестройки Перестройкой – это результирующий процесс ее отрицания самой себя как Горбачевской Перестройки, «ничтожащего отрицания» себя как Ельцинской Перестройки, «отчуждения и самозапутывания» своего «самостояния» [Хайдеггер 2003] как Перестройки вообще. В поисках своего другого Перестройка «выступает здесь как ничтожимая целостность, как распадающееся единство феномена» – «она существует, чтобы не быть» [Сартр 2015].

Для разных политических сил того времени путь к «другому» Перестройки, ее выход из кризиса Перестройки, о котором не уставали говорить ее архитекторы и прорабы, виделся по-разному. Радикальные консерваторы настаивали на отказе от Перестройки, ее безусловном и немедленном прекращении. Радикальные демократы, напротив, считали, что, хотя «от этого старого политического сюжета народ успел устать» [Ельцин 2008], надо продолжать процесс реформ, для чего следует кардинальным образом перестроить Горбачевскую Перестройку и сделать так, чтобы как можно быстрее с ее помощью можно было перейти к финалу советского периода истории. Сторонники Горбачевской Перестройки исходили из того, что демократический потенциал Перестройки далеко не исчерпан и следует настойчивее, последовательнее развивать присущие социализму демократические формы. Советская история рассудила их спор по-своему. Август 91-го «стал вехой, которая отмерила начало смертного финала перестройки» [Рыжков 2022]. Путч 1991 года столкнул между собой радикалов. В результате победы радикальных демократов произошло *освобождение* Перестройки от ее собственной истории, которая была источником и основанием кризиса исторического бытия Горбачевской Перестройки – она превратила ее бытие в «другое».

Появление «другого» Горбачевской Перестройки, которую по аналогии мы называем Ельцинской Перестройкой, поражает для-себя Перестройки «в самую сердцевину. Посредством другого и для другого преследующее бегство застывает в-себе» (Сартр). Как «другое» оно застывает в себе посредством отрицания «сердцевины» Горбачевской Перестройки – отрицания ее, в первую очередь, как политического проекта *строительства* «союза суверенных государств» (Новоогаревский процесс), социал-демократической партии, обновленной формы советской власти.

В свою очередь, Ельцинская Перестройка не просто существует как «другое», но объективируется, конституирует «бытие другого» в процессе ничтожащего отрицания (отрицания отрицания) бытия небытия Перестройки, в результате чего она становится «проектируемым ничто» (Сартр): происходит распад СССР и ликвидация советского государства (26 декабря 1991 года), запрещается КПСС (6 ноября 1991 года), низлагается, казалось бы, навсегда построенная и всепобеждающая советская власть (25 декабря 1993 года). Важно подчеркнуть, что в этом процессе Перестройка проектирует «себя по ту сторону мира к своим собственным возможностям» [Сартр 2015], которые она в форме Ельцинской Перестройки в основном заимствует в Горбачевской Перестройке, создавая собственное бытие как бытие небытия Перестройки как таковой. Это значит, что в данной форме бытие Перестройки «объявляет посредством проектируемого ничто, каково оно есть, оно ускользает, так как устанавливает этим самым, что может быть другим, чем оно есть» [Сартр 2015].

Казалось бы, что на этом «ускользании» Перестройка могла бы и закончиться. Но оказывается, что «возможности, которые мы проектируем, постоянно подтачиваемы нашей свободой в сторону изменения» [Сартр 2015]. А это значит, что завершиться она могла лишь тогда, когда сама в себе сумеет свободно «благодаря самому выбору нашей свободы» [Сартр 2015] спроектировать себя не как «другое», или «бытие другого», но как реально «другое-бытие». Что она и делает, отчуждая себя как собственную историю от самой себя. Этот процесс является наиболее сложным для понимания и объяснения, в том числе и потому, что в нем Перестройка «консультуруется с историей» (Сартр) каждого своего предшествующего проекта.

Ельцинская Перестройка открыла в Перестройке то, чего не могла открыть в ней ни одна из предшествующих ей форм Перестройки. Если Андроповская Перестройка открыла в ней социализм как «данное», которое нуждается в совершенствовании, обновлении и ускорении развития, Горбачевская Перестройка указала на социализм как «объект» демократизации, то Ельцинская Перестройка, как Ничто и ничтожение социализма, показала, что «ничтожение и есть бытие свободы» [Сартр 2015]. Тем самым она открыла в своем бытии *освобожденность*, *высвобождение* (выбор свободы) и *свободу* как «другое-бытие» себя и социализма. Она показала, что для того, чтобы не быть, свобода не нужна. Она нужна Перестройке для того, чтобы быть Ничто.

Когда Перестройка берет свою судьбу в свои руки и освобождается от себя как своей истории, она в первую очередь освобождается от того, что является ее сущим – от социализма. Социализм простирается по всему миру Перестройки «как мирская сила синтетической организации этого мира» [Сартр 2015]. На заключительном этапе своего развития Перестройка добирается до «смысла течения мира» [Сартр 2015] социализма и отказывается от него как того, что ее ограничивает. Конституирует свой отход от социализма она в форме его распада, столкновения в режиме «свободной спонтанности» [Сартр 2015] между собой и им пределов его существования. Наконец, возвышаясь к самой себе, Перестройка достигает социализм как горизонт своего бытия и в поисках выхода за него постигает саму себя как ничтожащую социализм «свободную самость» [Сартр 2015].

Перестройка освобождается от социализма, освобождает его от Перестройки и становится в себе и для себя свободой в результате ее отчуждения от самой себя, которое происходит тогда, когда «ничто преследует бытие» [Сартр 2015] – Перестройка как Ничто преследует социализм как бытие своего сущего. В процессе его преследования, отказа от социализма Перестройка не просто существует, но «есть ничто» [Сартр 2015] (1) – есть «ничтожимое бытие» (Сартр) социализма, которое проявляется как «оболочка пустоты» (Он же) и «пустой ящик» (Он же). На этом

отчуждение Перестройки от социализма как бытия своего сущего не заканчивается. Оказывается, что «этот пустой ящик имеет “внутренность”» [Сартр 2015] и с помощью «первого рефлексивного движения», «распадающегося отрицания» его «внутренность» «изолируется и выделяется на поверхности мира как отражение ничто в бытии» и производит «бытие-в-ситуации» [Сартр 2015] (2) – в ситуации «ничтожащего действия» (Сартр). Но даже в этой ситуации, «ничтожащее бытие» (Сартр) Перестройки не заканчивается. Когда это бытие из самого себя «пересекается зонами ничто» [Сартр 2015], оно не отказывается от существования и не полагается как особый способ бытия, но посредством «второго рефлексивного движения» (Сартр) «отбрасывается в ничто» (Он же) (3) как «чистую ничтожащую свободу» (Он же). Только так оно обретает «ничтожащую силу» и «ничтожащее могущество» – становится «ничтожащей реальностью присутствия бытия к бытию в единстве бытия как вида бытия» [Сартр 2015]. Только тогда оно обретает самость как «присутствие-отсутствие», «свободную необходимость бытия» [Сартр 2015], которое действительно заканчивается.

В поисках «другого-бытия» Перестройка ничтожит саму себя, как уже отмечалось, в форме Ельцинской Перестройки, которая существует здесь не как фон, но в качестве производящей формы. Производит же она нечто абсолютно другое, нежели Перестройка, – производит *строительство*, которое отчуждает Перестройку от социализма как способа бытия ее сущности. Оно-то и есть «другое-бытие» Перестройки, осуществляемое в своей генетически исходной форме как начало строительства нового способа бытия сущности Перестройки, возносящееся «как ничто на фоне ничтожения» [Сартр 2015]. Эта «форма – ничто, она скользит как некое небытие по поверхности фона» [Там же], превращая бытие и сущее Перестройки в собственное Ничто, которое в результате скольжения в себе самом становится из ничтожимого ничтожащим себя как ничтожимое.

Посредством строительства начала строительства социализм становится «своим собственным Ничто. И под этим нужно понимать не ничтожащее действие, которое требовало бы со своей стороны основания в Бытии, но онтологическую характеристику требуемого бытия» [Сартр 2015]. Какого же бытия требует собственное Ничто Перестройки? Оно требует «другое-бытие», нежели социализм. Оно требует не «рыночный социализм», но нормальный, цивилизованный рынок. Не общенародную и не государственную собственность, а частную. Не «хозяйствующих субъектов», а предпринимателей. Все эти требования были в той или иной степени удовлетворены в процессе так называемой «шоковой терапии», которая, конечно, была для социализма шоком, но для Перестройки она была живительной терапией, ибо позволила ей не только отказаться, отойти от социализма, но и построить в себе самой начало строительства Постперестройки – построить в себе «другое-бытие», которое открыло ей возможность «бытия-в-мире» (Хайдеггер).

Может ли быть Ничто началом? Может ли Перестройка как ничто быть началом «другого-бытия»? Был ли прав Гегель, когда писал, что «если бы мир или нечто имели начало, то он имел бы начало в ничто, но в ничто нет начала или, иначе говоря, ничто не есть начало, ибо начало включает в себе некое бытие, а ничто не содержит в себе никакого бытия» [Гегель 1937]? Ничто не включает в себе бытия, но оно включает в себе ничтожение, которое не есть начало, но как конец бытия Ничто может им быть. Именно о нем мы и говорим, когда выделяем внутри Перестройки строительство, которое является ничтожением Перестройки как собственного Ничто (конца). Оно-то и есть свое другое – строительство *из конца начала*.

В процессе «шоковой терапии» Перестройка в форме Ельцинской Перестройки завершает свою историю. Она заканчивает ее как собственное Ничто (конец) и ничтожит как «голое начало» (Гегель) «другого-бытия». Как конец-начало она «со-

держит в себе и то и другое, бытие и ничто; оно есть единство бытия и ничто или, иначе говоря, оно есть небытие, которое есть вместе с тем бытие, и бытие, которое есть вместо с тем небытие» [Гегель 1937]. Ельцинская Перестройка как «начало содержит в себе бытие как некое такое, которое отдаляется от небытия или, иначе говоря, упраздняет это последнее как нечто, противоположное ему» [Сартр 2015]. Как конец Перестройки она упраздняет социализм посредством строительства себя в качестве начала «другого-бытия» – такого бытия, в котором нет не только социализма, но и истории Перестройки.

Таким образом, в результате отрицания Горбачевской Перестройки, «ничтожащего отрицания» Ельцинской Перестройки, отчуждения сущности Перестройки (социализма) от ее исторического бытия, история Перестройки оказывается пере-настроена и достроена до своего исторического финала, который и поставил окончательную точку в ее развитии и кризисе.

Если подвести краткий итог нашему анализу первого бытия Перестройки, исследованию ее в качестве истории самой себя, можно сделать три взаимосвязанных вывода. Во-первых, началась история Перестройки с заявления в 1983 году Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова о том, что «минуло сто лет со дня, когда ушел из жизни человек по имени Карл Маркс» и начался переход к тому, «что можно было бы назвать совершенствованием развитого социализма» [Андропов 2022]. Закончилась она принятием в декабре 1993 году новой Конституции Российской Федерации и политическим заявлением Президента РФ Б. Н. Ельцина о том, что «Вы сделали свой выбор. Он предопределяет пути развития России на длительную перспективу» [Политическое заявление ... 1993]. Во-вторых, в истории Перестройки можно выделить три основных этапа, которые с определенной долей условности мы можем обозначить как Андроповская (возникновение), Горбачевская (становление), Ельцинская (развитие) Перестройка. В-третьих, если на первом этапе ее истории Перестройка *настраивалась*, на втором – *достраивалась*, то на третьем этапе своей истории она *настраивалась* как анти-Горбачевская Перестройка, *достраивалась* путем ничтожения Перестройкой формы своего бытия (Ельцинской Перестройки) и *строилась* как способ отчуждения Перестройкой своей сущности и исторического бытия (Постперестройка).

Список источников

1. Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // SOVETIKA.ru : сайт о советской эпохе. – URL: <https://www.sovetika.ru/sssrf/andropovst001.htm> (дата обращения: 26.10.2022).
2. Барсенков А. С. В контексте системной трансформации // Горбачевские чтения. Вып. 3 : Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. – М. : Горбачев-Фонд, 2005. – С. 102–108.
3. Барсенков А. С. О массовом и научном историческом знании // Горбачевские чтения. Вып. 3 : Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. – М. : Горбачев-Фонд, 2005. – С. 48–55.
4. Барсенков А. С. Коридор возможностей // Горбачевские чтения. Вып. 3 : Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. – М. : Горбачев-Фонд, 2005. – С. 156–157.
5. Великий Октябрь год за годом (1917–1990) : сборник выступлений. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=246344&p=1> (дата обращения: 26.10.2022).

6. Ворожейкина Т. В 1988 году начинается осуществление политической реформы, то есть закладываются основы того процесса, который за два года полностью изменил страну // Горбачевские чтения. Вып. 10 : Время перемен: идеи и люди. 1968–1988–2008. Судьбы идей. Шестидесятники в жизни страны. Россия: определился ли новый вектор? 25 лет без Берлинской стены. Память и импульсы для будущего. – М. : Горбачев-Фонд, 2015. – С. 39–45.

7. Ворожейкина Т. Современная Россия: повторение пройденного? // Горбачевские чтения. Вып. 10 : Время перемен: идеи и люди. 1968–1988–2008. Судьбы идей. Шестидесятники в жизни страны. Россия: определился ли новый вектор? 25 лет без Берлинской стены. Память и импульсы для будущего. – М. : Горбачев-Фонд, 2015. – С. 136–142.

8. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. / Гегель ; под ред. А. Деборина и Д. Рязанова ; Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. – Т. 5 : Наука логики : [т. 1, кн. 1-2] / пер. с нем. Б. Столпнера ; под ред. М. Б. Митина. – М. : Ленинград : Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. – ХСІ, 715 с. – URL: https://royallib.com/read/gegel/fridrih/nauka_logiki.html#0 (дата обращения: 26.10.2022).

9. Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. – М. : Новости, 1992. – 224 с. – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/december_91.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

10. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1 // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев Фонд) : сайт. – URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/ (дата обращения: 26.10.2022).

11. Горбачев М. С. О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой : доклад на Пленуме ЦК КПСС, 25 июня 1987 года // Всемирная история : сайт. – URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000235/st019.shtml> (дата обращения 26.10.2022).

12. Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии : доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, 27 января 1987 года // Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 27–28 января 1987 года. – М. : Политиздат, 1987. – URL: <http://www.uaio.ru/5/85/y8701p.htm> (дата обращения: 26.10.2022).

13. Горбачев М. С. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением: доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 года // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев Фонд) : сайт. – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/o_sozyve_xxvii_sezda.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

14. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира // ЛитМир : электронная библиотека. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=267065&p=1> (дата обращения: 26.10.2022).

15. Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 400 с. – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/perestroyka_.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

16. Ельцин Б. Н. Записки Президента : размышления, воспоминания, впечатления... – М. : РОССПЭН, 2008. – 374 с. : ил. – URL: <https://yeltsin.ru/uploads/upload/2015/05/29/zapiski-prezidenta.pdf> (дата обращения: 26.10.2022).

17. Красин Ю. А. Итоги, выводы, перспективы // Горбачевские чтения. Вып. 9 : Два путча и распад СССР. – М. : Горбачев-Фонд, 2011. – С. 121–136.

18. Кувалдин В. Б. Выступление в дискуссии // Горбачевские чтения: Проблемы внешней политики М. С. Горбачева ; Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего. – М. : Горбачев-Фонд, 2003. – С. 53–55.

19. Лигачев Е. К. Борис был не прав // ЛитМир : электронная библиотека. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=156432&p=1> (дата обращения: 26.10.2022).

20. Лоскутов В. А. Идентичность истории – способы совпадения истории со своей «историей» // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире» – Секции (1) : сборник научных статей / Российское философское общество ; Институт философии РАН ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Логос : Новые печатные технологии, 2020. – С. 1365–1367. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/congress/sektsii_1.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

21. Медведев В. А. У перестройки был свой шанс // Прорыв к свободе: О Перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) : сборник статей / сост. В. Б. Кувалдин. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 8–23.

22. Медведев В. А. Перестройка и реформация // Горбачевские чтения: Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. – М. : Горбачев-Фонд, 2005. – С. 123–127.

23. Медушевский А. Н. Для интерпретации Перестройки и выяснения ее исторического смысла гораздо более продуктивно использовать понятие «реформация» : выступление на презентации доклада «1985–2015. Ценности перестройки в контексте современной России». – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/10_medushevskiy_stenogramma_ok.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

24. Перестройка: двадцать лет спустя : доклад Горбачев-Фонда // Прорыв к свободе: О Перестройке двадцать лет спустя (критический анализ) : сборник статей / сост. В. Б. Кувалдин. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 414–435.

25. Политическое заявление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в связи с принятием Конституции Российской Федерации : 13 декабря 1993 г. – Москва, 1993. – (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 91. Оп. 1. Д. 721. Л. 5). – URL: <https://www.prlib.ru/item/358390> (дата обращения: 26.10.2022).

26. Рыжков Н. И. Премьер. Проект 2017 – миф или реальность // ЛитМир : электронная библиотека. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=200864&p=1> (дата обращения: 26.10.2022).

27. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. – М. : АСТ, 2015. – 925 с. – URL: <https://e-libra.ru/read/193325-bytie-i-nichto-opyt-fenomenologicheskoy-ontologii.html> (дата обращения: 26.10.2022).

28. Семенов И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всерос. науч.-теор. конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8–13. – URL: <https://lib.sale/politiki-sotsiologiya/identichnost-kak-predmet-politicheskogo.html> (дата обращения: 26.10.2022).

29. Славин Б. Ф. Социал-демократическое прочтение перестройки // Горбачевские чтения: Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. – М. : Горбачев-Фонд, 2005. – С. 109–117.

30. Соловей В. Д. Перестройка и советская история // Горбачевские чтения: Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. – М. : Горбачев-Фонд, 2005. – С. 119–123.

31. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина // Фридрих Ницше : сайт. – URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/fukuama/> (дата обращения: 26.10.2022).

32. Черненко К. У. По пути совершенствования развитого социализма. – М. : Политиздат, 1985. – 274 с. – URL: <https://www.gensek.ru/publications/books/po-puti-sovershenstvovaniya-razvitogo-socializma.html?file=d0be3786913b7fd7311a05576faa86af.pdf> (дата обращения: 26.10.2022).

33. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 509 с. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 26.10.2022).

34. Шевцова Л. Б. Выступление в дискуссии // Горбачевские чтения: Проблемы внешней политики М. С. Горбачева ; Перестройка как опыт преодоления тоталитаризма: выводы для будущего. – М. : Горбачев-Фонд, 2003. – С. 78–80.

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Vladimir A. Loskutov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 02.11.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 08.11.2022.